

КАРЛ ПОППЕР КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЬ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Д. В. Анкин

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
e-mail: dmitryankin@gmail.com

Аннотация. Целью статьи является исследование современных форм объективности, характерных для аналитической философии на примере великого философа XX века К. Р. Поппера. Таким образом, нам необходимо будет: 1) представить аргументы, что К. Поппер есть философ аналитик, 2) рассмотреть его идеи объективности истины и критики релятивизма.

Во-первых, Карл Поппер нисколько и ничем не отличается от своих друзей логических эмпиристов (логических позитивистов) пониманием и использованием достижений современной логики. Современная символическая логика для К. Поппера, как и для всех без исключения философов-аналитиков, является основой философствования.

Во-вторых, в статье представлены аргументы против трактовки Карла Поппера в качестве «рационалиста» (в классическом для эпистемологии Нового времени смысле). Показано, что фальсификационизм К. Поппера есть эмпиристская методология, оправданная в области содержательных, но не в области формальных, теорий.

Гипотетико-дедуктивный метод становится основой эмпиризма, защищаемого К. Поппером, эмпиризма не подтверждающего (верифицирующего), а опровергающего (фальсифицирующего), эмпиризма не сенсуалистского, а «критического», в чем-то напоминающего позицию И. Канта (промежуточную между эмпиризмом и рационализмом). Подобный эмпиризм получил у К. Поппера не очень удачное – как мы пытаемся показать в статье – имя «критического рационализма», данное с целью дистанцироваться от эмпиризма сенсуалистского и индуктивного.

Погрешимость, конечность (еще один кантовский мотив в творчестве Поппера) – неотъемлемые признаки человека. Мы находимся в болоте и никогда не имеем надежных оснований и критериев. Мы никогда не знаем, и не можем знать, как мы далеко/близко от объективной Истины, в наличии и единственности которой К. Поппер не сомневается. Наш прогресс – это какой-то чудесный, «апофатический» прогресс (как у «ежиков в тумане»). В лице К. Поппера мы видим фаллибилиста¹, чуждого и враждебного релятивизму, видим антирелятивистский фаллибилизм. Фаллибилист, говорящий о погрешимости и конечности человеческого познания, прекрасно уживается в К. Поппере с метафизиком-реалистом (совсем не по И. Канту). Реалистская метафизика, соединенная с фаллибилизмом, хорошо согласуется с апофатическим толкованием научного прогресса. Метафизика К. Поппера опирается на идею трех миров. Третий мир – это мир языков, теорий, символов и т. д.; первый – мир вещей в пространстве и времени; второй – мир ментальных событий сознания.

Оказывается, все мы являемся «ежиками в тумане» (прогресс имеет апофатический характер) по отношению к Истине. Мы не способны сказать, как близко от нее находимся. Однако сближение К. Поппера с его «последователями» постпозитивистами релятивистского склада – Т. Куном, П. Фейерабендом, М. Полани – выглядит, мягко говоря, очень сомнительным. Лучше исключить К. Поппера из этой надуманной категории «постпозитивизма» вообще.

Мы будем рассматривать в основном эпистемологию и, немножко, метафизику К. Поппера, его социальная философия нас интересовать не будет.

Ключевые слова: критика релятивизма, антирелятивистский фаллибилизм, фальсификационизм как версия эмпиризма, реализм Поппера, интернализм Поппера.

Для цитирования: Анкин Д. В. Карл Поппер как представитель аналитической философии // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2024. – № 5. – С. 103–113. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-5-103>.

¹ Фаллибилизм – учение о принципиальной погрешимости познания.

Original article

KARL POPPER AS A REPRESENTATIVE OF THE ANALYTICAL PHILOSOPHY

D. V. Ankin

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia
e-mail: dmitryankin@gmail.com

Abstract. *The purpose of the article is to study modern forms of objectivity characteristic of analytical philosophy using the example of the great 20th century philosopher K. R. Popper. Thus, we will need to: 1) present arguments that K. Popper is an analytical philosopher; 2) consider his ideas of the objectivity of truth and criticism of relativism.*

Firstly, Karl Popper is in no way different from his friends the logical empiricists (logical positivists) in understanding and using the achievements of modern logic. Modern symbolic logic for K. Popper, as for all analytical philosophers without exception, is the basis of philosophizing.

Secondly, the article presents arguments against the interpretation of Karl Popper as a «rationalist» (in the classical sense for modern epistemology). It is shown that K. Popper's falsificationism is an empiricist methodology, justified in the field of substantive, but not in the field of formal, theories.

The hypothetico-deductive method becomes the basis of empiricism, defended by K. Popper; empiricism that is not confirming (verifying), but refuting (falsifying), empiricism is not sensationalistic, but «critical», somewhat reminiscent of the position of I. Kant (intermediate between empiricism and rationalism). Such empiricism was given by K. Popper the not very successful – as we try to show in the article – name of «critical rationalism», given in order to distance ourselves from sensualist and inductive empiricism.

Fallibility and finitude (another Kantian motif in Popper's work) are integral features of man. We are in a swamp and never have reliable foundations and criteria. We never know and cannot know how far/close we are from objective Truth, the presence and uniqueness of which K. Popper has no doubt. Our progress is some kind of wonderful, «apophatic» progress (like that of «hedgehogs in the fog»). In K. Popper we see a fallibilist², alien and hostile to relativism; we see anti-relativistic fallibilism. The fallibilist, who talks about the fallibility and finitude of human knowledge, gets along well in K. Popper with the metaphysical realist (not at all according to I. Kant). Realist metaphysics, combined with fallibilism, fits well with the apophatic interpretation of scientific progress. K. Popper's metaphysics is based on the idea of three worlds. The third world is the world of languages, theories, symbols, etc.; the first is the world of things in space and time; the second is the world of mental events of consciousness.

It turns out that we are all as «hedgehogs in the fog» in relation to the Truth. We are not able to say how close we are to Truth. However, the rapprochement between K. Popper and his «followers», postpositivists of a relativistic type – T. Kuhn, P. Feyerabend, M. Polanyi – looks, to put it mildly, very doubtful. It is better to exclude K. Popper from this far-fetched category of «post-positivism» altogether.

We will consider mainly the epistemology and, a little, the metaphysics of K. Popper; we will not be interested in his social philosophy.

Key words: *criticism of relativism, anti-relativistic fallibilism, falsificationism as a version of empiricism, Popper's realism, Popper's internalism.*

Cite as: Ankin, D. V. (2024) [Karl Popper as a Representative of the Analytical Philosophy]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 5, pp. 103–113. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2024-5-103>.

Введение

Предлагаемый нами подход к философскому наследию К. Поппера можно пояснить, ссылаясь на опыт интерпретации другого великого мыслителя – Л. Витгенштейна. Когда восхищенные Витгенштейном неопиты толкуют его философию, частенько хочется сказать: «Выплюньте, итак уже отравились!». Витгенштейн может быть здраво и с пользой истолкован *только* через призму Б. Рассела, Г. Фреге,

Ф. Рамсея и ряда других современников, с которыми он дружил и дискутировал, *сам же по себе* (отдельно от своего философского окружения) Витгенштейн токсичен и вреден для неискушенного разума. Аналогично обстоит дело с К. Поппером: если Вы не знаете Р. Карнапа, К. Гемпеля, Г. Рейхенбаха, А. Тарского – не трогайте, пожалуйста, К. Поппера! Сам по себе К. Поппер будет таким же абсурдным и «токсичным», как и взятый сам по себе Л. Витгенштейн. Основной

² Fallibilism is the doctrine of the fundamental fallibility of knowledge.

тезис предлагаемой статьи – философию К. Поппера сколько-нибудь разумно толковать возможно исключительно в рамках традиции *аналитической философии*, – Карл Поппер есть философ аналитик.

К сожалению, достаточно распространены большие и серьезные заблуждения относительно философии К. Поппера. Так, в отечественной литературе имеются представления о некоем противостоянии К. Поппера логическому позитивизму, а значит (!) и аналитической философии вообще (как будто аналитическая философия есть позитивизм!). Указанные представления не являются адекватными по двум основным причинам: 1) аналитическая философия безмерно шире, чем логический позитивизм, 2) логический позитивизм, с которым К. Поппер постоянно дискутирует, гораздо ближе и роднее К. Попперу, чем исторический и социологический релятивизм, либо анархизм его «последователей». По первому пункту недоразумения множатся до невообразимости: некоторые авторы готовы рассматривать Г. Фреге и Б. Рассела в качестве позитивистов лишь на том основании, что они знали и использовали математику. О бедный, бедный Платон, говоривший, что «не математик в философию да не войдет!» (получается, Платон позитивист?!). Со вторым пунктом дела обстоят не лучше – отечественная (поп)философия науки готова интерпретировать К. Поппера как исторического или социологического релятивиста, якобы противостоящего позитивизму и открывающего новый, «постпозитивистский» этап философии науки. «Избави Бог от подобных ‘друзей’ – воскликнул бы К. Поппер, если бы услышал такое, – с врагами справлюсь я и сам». Именно поэтому К. Поппер так остро нуждается в нашей помощи.

Карл Поппер гораздо ближе Р. Карнапу, Г. Рейхенбаху, К. Гемпелю и ряду других известных философов аналитиков, чем своим «последователям» в лице так называемых постпозитивистов: Т. Куна, П. Фейерабенда, М. Полани и других. «Последователи», вырстая на тех или иных идеях К. Поппера, толкуют их в *чуждом Попперу релятивистском духе*. Никаким постпозитивистом К. Поппер на самом деле не был – «Логика научного исследования» создавалась в 30-е годы, а стала широко известной и «постпозитивистской» лишь 30 лет спустя, в 60-е годы [6, с. 195–197]. Так что «постпозитивизм» Поппера – о котором говорят практически все учебники – это всего лишь очень «жирная утка». К. Поппер всегда верил в прогресс науки, приближающий нас к объективной истине, всегда оставался эмпиристом, пусть и достаточно своеобразным. Поппер всегда был ближе к позитивизму

(«логическому эмпиризму») своих друзей, чем к когорте «последователей», именуемых в популярной философии науки «постпозитивистами».

Существует много глубоких и фундаментальных исследований творчества К. Поппера, например: [4, 10, 11, 13, 14, 15, 16]. Англоязычные источники см.: [19]. Тем не менее, белых пятен остается еще больше! Впрочем, такой и должна быть настоящая философия.

Возможно, одной из причин плохого понимания К. Поппера является его блестящий стиль. Не менее блестящий стиль был и у нобелевского лауреата по литературе Бертрана Рассела, «Историю западной философии» которого знаменитый аргентинский писатель Хорхе Луис Борхес готов был взять в качестве единственной книги на необитаемый остров. Однако Б. Рассел изначально умел писать не только блестяще, но и, если требовалось, плохо, то есть скверно с литературной точки зрения, когда требовалось объяснять что-то сложное и контринтуитивное³. Наши интуиции иногда оказываются злом, к сожалению, К. Поппер не умел, когда это требовалось, писать и говорить *плохо*, в ущерб литературному стилю.

Иногда интуитивный стиль К. Поппера создает видимость противоречивости его позиции. Однако интуитивность всегда контекстуальна, поэтому найти настоящее противоречие у К. Поппера не легче, чем у И. Канта. Говорящие о формальной противоречивости обычно не знают (или не помнят) результаты А. Черча [18]. У говорящих о «реальных противоречиях» обычно плохо с понятием логической противоречивости. Хотя существует интересная версия неформальной противоречивости в рамках трансцендентальной прагматики К.-О. Апеля [17], предназначенная именно для анализа философского дискурса.

Две истины Карла Поппера

Прежде, чем рассмотреть теории самого К. Поппера, рассмотрим от чего он отталкивается, чему в своих теориях истины противостоит. Прежде всего, неприятие у К. Поппера вызывает идея истины как открытости [8, с. 15–57]. Истина как открытость делает необъяснимыми наши ошибки и заблуждения. А человек фундаментально является существом погрешимым в своем познании. Для ошибок и заблуждений, в случае принятия идеи истины как открытости и очевидности, приходится искать особые причины. Так рождается *теория заговора*: ошибки и заблуждения – это результат некоторой злой воли.

Если считать, что истина – это «алетейя» (например, псевдоэтимологии М. Хайдеггера), открытость, очевидность, то последствия печальны, сразу же

³ См., например, «Об обозначении» [9].

ищутся *идеологические подоплеку* для всякого заблуждения, иначе заблуждение становится необъяснимым. Это примерно также скверно, как идея «ложного сознания» в марксизме, или как идея «вытеснения и замещения» в психоанализе. К. Поппер начинал как психоаналитик. Однако идеологии психоанализа и объективность аналитической философии, к которой он в итоге перешел, оказались несовместимыми.

Идеологическое подозрение *унижает* науку, заставляют «заглядывать под кровать» научных оппонентов, выяснять их социальное происхождение и т. д. Швондеры и Шариковы тут как тут, всегда готовые к поиску и раскрытию *заговора*. Стоит отметить, что вся аналитическая философия стоит на том, что наука к идеологии не имеет ни малейшего отношения. Научная объективность с идеологической ангажированностью никак не совместима. Марксистские и психоаналитические Шариковы и Швондеры, любители идеологического подозрения, имеются только за рамками аналитической философии, обычно где-нибудь в области «философии» постмодернизма.

К. Поппер понимал *погрешимость* наших интуиций и наших очевидностей. Поппер понимал, что опора только на чистую очевидность, на истину *как очевидность* в науке не пройдет. Например, Поппер отмечает, что идея смертности всего живого вероятно ложна [7, с. 20–21]. Истина как очевидность – удел философии фундаментализма: «Об источниках знания и невежества» [8, с. 15–58]. В критической философии очевидностям нет места, самым интересным, самым информативным для науки является самое неочевидное, самое маловероятное (закон обратного отношения между вероятностью и информацией).

Объективность науки связывается у К. Поппера с идеей *ее прогресса*, а где прогресс, там и объективная истина. К активному использованию категории истины К. Поппера возвращает А. Тарский, через свою логическую семантику, которая неизменно Поппера восхищала. У К. Поппера формируются целых две категории истины. Прежде всего идея единой и единственной Истины, которая позволяла Попперу неизменно подчеркивать объективность и прогресс научного познания. Прогресс, согласно Попперу, есть почти исключительно в науке (в других областях идея неизменного прогресса под вопросом), его можно измерять через *правдоподобие*, как относительную меру⁴.

Правдоподобие не дает абсолютной меры, не дает объективной *вероятности*. Более того, всякая содержательная (не формальная) теория имеет *нулевую ве-*

роятность, всякая содержательная теория необходимо будет опровергнута по ходу научного прогресса, приближающего (апофатически, неопределяемо) нас к Истине. Для Поппера не существует ни малейшей разницы между теорией и гипотезой.

Вторая теория истины производна от логической семантики А. Тарского. Идея Истины (с большой буквы) у К. Поппера, единой и единственной, дополняется теорией истины (с маленькой буквы) строго по А. Тарскому с его логической семантикой. Семантика, вслед за Тарским, понимается как *корреспондентная* теория истины. «Семантическая теория истины» и есть корреспондентная теория истины (вопреки всем кривым классификациям теорий истины). Вслед за интерпретацией логической семантики самим Тарским, но за исключением чуть большей, чем у Тарского, метафизичности – К. Поппер полагает, что метаязык (термин, введенный А. Тарским для языка описания другого языка) может использоваться в функции описания реального мира (эту возможность Тарский не анализировал).

Таким образом истина с маленькой буквы у К. Поппера фундирует Истину с большой буквы. Как и у всякого философа аналитика, логика (логическая семантика) становится фундаментом самой философии; логика фундирует философию. Идея погрешимости (фаллибилизм) не позволяет нам знать (точно, абсолютно) нашу удаленность от Истины, но позволяет нам работать строгим образом со строго объективными истинами (с маленькой буквы) о реальном мире.

К. Поппер и эмпиризм

Сначала разберемся с друзьями Поппера. О. Нейрат был абсолютно прав, называя «рационализм» К. Поппера псевдорационализмом [5]. Никакой К. Поппер не рационалист, если под «рационализмом» иметь в виду всякую мистику: «Разума», «Логики», «Духа», «Идей» и т.п. С другой стороны, элементы дедуктивного метода в гипотетико-дедуктивном фальсификационизме Поппера не уступают по силе элементам дедуктивного метода его друзей верификационистов, построенного на индукции. К. Поппер настаивает на *гипотетико-дедуктивном* характере своего эмпиризма (позвольте не называть это «рационализмом»!).

Почему же тогда Карл Поппер называл свою философию «критическим рационализмом»? Это можно понять, только если отказаться от заезженного, школьного, неокантианского противопоставления

⁴ Когда мы размышляем о *мере правдоподобия* научных теорий, это может иметь смысл лишь для теорий с конечным логическим содержанием (конечным числом логических следствий). Но таких теорий не бывает. Это серьезная проблема для эпистемологии К. Поппера – бесконечность угрожает осмысленности нашего понятия меры.

рационализма и эмпиризма. Если все же полагать, что эмпиризм очень даже рациональная философская позиция, не обязательно на сенсуализм опирающаяся, то Поппер имеет полное право зваться рационалистом. Название философской позиции К. Поппера как «критического рационализма» (лучше бы уж «критического реализма»!) можно объяснить только его дискуссией с друзьями логическими эмпиристами, теоретиками верификационизма. «Критический рационализм» Поппера – это фиговый листок дистанцирования от «логического эмпиризма»⁵, который был (до некоторой степени) продолжением традиций британского сенсуализма. Сенсуализм для К. Поппера неприемлем, ему требовался эмпиризм без сенсуализма, и Поппер не нашел ничего лучшего, чем объявить себя «критическим рационалистом», *намекая на позицию И. Канта*, как альтернативу британскому эмпиризму, связанному с сенсуализмом⁶. О том, что эмпиризм – это не обязательно сенсуализм см. нашу работу «Эмпиризм против сенсуализма» [2]. К. Поппер всегда оставался *антисенсуалистским эмпиристом*.

Выше чувств для К. Поппера традиция, традиция антиавторитарная, традиция антирелигиозная, *традиция критическая*, традиция саму себя опровергающая, изменяющая, улучшающая. Традиция, не знающая красных флажков для опровергающего критического разума. Тот, кто любит собственную традицию, необходимо переделывает и улучшает ее, *без каких-либо ограничений для критики разума!*

К. Поппер говорит об особой «критической традиции», которая сформировалась исключительно на европейском континенте [8, с. 255–258]. Истоком всякой науки является критика и переделывание традиции [Там же]. Получается некий критический, антиавторитарный, антирелигиозный традиционализм.

Фальсификационизм есть эмпиризм. Однако это эмпиризм, приближающийся к *синтезу* чувственности и рассудка, близко к позиции И. Канта. От чувственности мы имеем фактические данные, а от рассудка у К. Поппера остается *modus tollens* и дедуктивное опровержение, на нем основанное. *Modus tollens* – вместо *modus ponens* верификационистов всех времен и народов (и И. Канта!), – как методологическая схема гипотетико-дедуктивного познания. Фальсификация оказывается единственным источником *эволюции* науки. Н. Решер подчеркивает всю неудачность это-

го квазибиологического толкования «эволюционной эпистемологии» К. Поппером [10, с. 211–214].

Идея эволюции науки методом проб и ошибок есть, конечно, интернализм, однако такой интернализм, механизмы которого – использование методологии *modus tollens*, порождающие прогресс науки, остаются у К. Поппера крайне апофатичными и непроясненными.

Демаркация науки и ненауки

Все наши содержательные теории есть стопроцентно опровергаемые гипотезы с нулевой вероятностью истинности. Вместо вероятности вводится категория правдоподобия. Чем лучше мы будем опровергать свои собственные теории, тем дальше продвинемся в научном прогрессе (каким-то непостижимым, апофатическим образом). У К. Поппера мы имеем абсолютную неразличимость, абсолютную тождественность гипотезы и теории, всякая теория (содержательная, неформальная) есть не более, чем временная гипотеза с нулевой вероятностью истинности⁷.

К. Поппер считает инструментализм релятивистской философией. Инструментализм отвергается в значительной степени в связи с принципом фальсификации, который для оценки инструментов не очень подходит. Теории – не инструменты, не подлежащие фальсификации. Конвенционализм допускается К. Поппером лишь на самом нижнем уровне – уровне признания фактов. Как и фаллибилизм Поппера, конвенционализм Поппера также никакого отношения к релятивизму не имеет.

Поппер был воодушевлен специальной теорией относительности, противопоставляя ее психоанализу и марксизму. Объективность науки производна от фальсифицируемости ее теорий, нефальсифицируемые теории – психоанализ и марксизм – не являются научными теориями. Объективными и научными могут быть исключительно те теории, которые фальсифицируемы *в принципе*, те теории в которых «защита» некоторая процедура возможной (но еще не состоявшейся!) их фальсификации.

Фальсифицированную теорию можно забыть и отбросить, но еще хуже *в принципе нефальсифицируемая теория*, которая подлежит изгнанию (демаркации) из сферы науки. Подлинная научная объективность лежит где-то между уже фальсифицированным

⁵ Друзья-оппоненты Поппера предпочитали называть себя «логическими эмпиристами» (хотя термин «позитивизм» ими тоже использовался).

⁶ Здесь мы не ставим вопрос к кому на самом деле был ближе И. Кант: к британской (Д. Юм) или к немецкой (Х. Вольф) философии своего времени?

⁷ При этом имеет место разграничение *вероятности* (как обратного к семантической информации феномена (теория Карнапа и Бар-Хиллела) и *правдоподобия*.

и никогда не фальсифицируемым, не допуская ни первого, ни второго.

Индукция и демаркация есть ключевые идеи творчества К. Поппера. Индуктивный метод К. Поппер отвергает, пытаясь доказывать его логическую невозможность, психологическую невозможность и невозможность с точки зрения реальной истории науки [7, с. 12-39]. Вместо метода индукции разрабатывается гипотетико-дедуктивный метод, как метод *эмпиризма*, построенного на идее фальсификации.

Формальные науки К. Поппера интересовали меньше. Поппер считал, что все построения логики и математики являются чисто априорными и вспомогательными теориями, имеющими значение лишь в рамках развития содержательных теорий. Априоризм Поппера стандартен для логического позитивизма, ибо отвергает Кантовскую идею синтетического а priori. Как и логические позитивисты Поппер считает, что синтетического а priori не существует. Формальные априористские построения лишь правила и инструменты нашего научного познания мира, лишь метатеории для наших содержательных теорий.

К. Поппер и традиция

Гораздо выше индивидуального чувственного восприятия сенсуализма К. Поппер ставит традицию. Однако традиция толкуется в некотором несовместимом с философской герменевтикой смысле. И Поппер, и его последователь Х. Альберт не приемлют не критическое поддержание традиции, характерное для герменевтики. Критика для них – это все, это и подлинная любовь и улучшение, и изменение собственной традиции. Герменевтики же готовы лишь оправдывать традицию. Герменевтики готовы даже к защите заблуждений, готовы толковать заблуждения в некотором позитивном смысле – дескать все мы маленькие и убогие со своим индивидуальным разумом по сравнению с мудростью традиции, которой мы принадлежим. Х. Альберт поэтому не находит в герменевтике ничего, кроме установок протестантской теологии, которую герменевтика лишь продолжает [1, с. 128–152].

Ближайшим другом, учителем и оппонентом К. Поппера был Р. Карнап. Влияние Карнапа необычайно велико, это и личные продолжительные дискуссии, в том числе во время прогулок с семейством Карнапов, это и выработка в письменных дискуссиях собственного варианта эмпиризма, альтернативного принципам верификационизма, это и уроки Карнапа в области теории вероятностей и в теории информации (прежде всего, теории семантической информации, которую Поппер активно использует).

Можно сказать, вслед за Фрименом, что вместо сенсуализма К. Поппер придерживается «математи-

ческого эмпиризма» [14, с. 227], а вместо индукции использует гипотетико-дедуктивный метод. Фримен также отмечает общность К. Поппера и Ч. С. Пирса в трактовке гипотез [Там же].

Логика науки не существует

В философии науки К. Поппера можно наблюдать абсолютный коллапс великих методологий Нового времени, будь то эмпиристских, будь то рационалистских, от Декарта до Дж. С. Милля. Никакой логики у научного *открытия* по К. Попперу нет и быть не может. Есть только циклы движения от проблем к теориям, и обратно; есть только необъяснимая по своему источнику динамика научного прогресса. Прогресс науки в интернализме К. Поппера иррационален и апофатичен. Ни одного закона перехода к лучшим гипотезам (= теориям) для К. Поппера нет, нет ни индукции, ни абдукции, ни эвристики. Мы всегда играем в кости с бесконечностью, и нам почему-то должно везти (и везет!) в этой нелепой игре. П. Фейерабенд в своем методологическом анархизме [12] лишь доводит до абсурда отмеченные выше особенности философии науки К. Поппера.

Однако можно говорить о логике научного *исследования* (но не открытия!), можно говорить о непостижимой, апофатической *динамике* науки. Первая и знаменитейшая работа К. Поппера на данную тему была написана в 1934 году и издана в Вене в 1935 году [20]. Прогресс науки непредсказуем, метода получения новых фундаментальных открытий нет и никогда не будет. Не случайно П. Фейерабенд, как «борец с методом и методологией», ссылается на К. Поппера, на своего «учителя» и предшественника (подобные крайности, да еще и идеологически окрашенные, Поппер никогда не пропагандировал), хотя справедливо подчеркивает, что марксизма в его философской позиции гораздо больше (например, идеологически окрашенные «соревнования» между наукой и прочими традициями культуры), чем наследия, позаимствованного у К. Поппера [12, с. 522]. П. Фейерабенд в своей квазимарксистской крайности раздувает неприятие классической философской методологии, которой, впрочем, и у Поппера уже нет, превращает Попперовскую идею критической конкуренции в свою идею «пролиферации», а идею критики превращает в критику самой науки, как «лишь одной» из идеологий (!). Все попытки создать логику научного открытия от Бэкона и Декарта до наших дней, конечно же, обречены на провал. Однако имеет смысл заниматься логикой научного *исследования* и логикой *роста* научного знания, что Поппер и делал, вопреки впадающему в квазимарксистские крайности Фейерабенду.

Непредсказуемость фундаментальной науки делает ее перманентно революционной. С *революционностью науки* у Поппера полный порядок, другому его последователю из «постпозитивистов» – Т. Куну оставалось только придумать понятие «нормальной науки», которого у Поппера еще не было.

Мы видим у К. Поппера новый проект методологии, в котором нет ни предсказаний, ни рекомендаций в отношении науки, а возможна лишь оценка и сравнение *post factum* ее динамики – то есть, как *квазиисторическая* оценка и сопоставление теорий на основе идеи прогресса и приближения к истине. Идея прогресса – ключевая идея в истории науки, отличающая науку от иных традиций. Невозможность логики открытия как методологического принципа (в отличие от классиков нового времени), абсолютная непредсказуемость научного прогресса. В философии Поппера классическая методология, ориентированная на логику открытия, окончательно умирает. Интерес смещается с *логики открытия на логику обоснования* в процессе динамики развития науки. Модель объяснения была построена К. Поппером независимо и параллельно модели объяснения К. Гемпеля. Объяснение и предсказание рассматриваются Поппером как основные функции науки.

К. Поппер и логика

Пришло время поговорить о месте логики в творчестве К. Поппера. Современная символическая логика, используемая как *основание философии* есть необсуждаемая – в отличии от эмпиризма, сохраняющегося у логических позитивистов, но далеко не у всех философов аналитиков – универсалия всей аналитической философии. Современная символическая логика делится на логику классическую и логику неклассическую (в традиционной логике данного деления не было, традиционная логика вся классическая).

Ближайший друг К. Поппера Р. Карнап прежде всего великий логик: создание модальной логики, создание теории семантической информации (совместно со своим учеником, математиком Бар-Хиллелом), разработки теории индуктивного познания на основе частотной теории вероятностей, создание понятия логической вероятности и т. д. Философию же Р. Карнап определял как металогику.

Современная классическая логика достигла огромного прогресса в логической науке [3]. Это отчасти объясняет непереносимость Гегеля, которая характерна для ряда аналитиков (например, Витген-

штейна). Без всякого сомнения, Гегель не имеет ни малейшего отношения к классической ветви современной символической логики. К. Поппер считал, что Гегель испортил логику, доставшуюся нам от древних. Поппер прекрасно разбирался и в современной логике классического типа, ему были непереносимы все маргинальные, отходящие от классики построения, не имеющие и не могущие иметь, как он считал (возможно, ошибочно) никакого продолжения в логической науке. Поэтому К. Поппер был абсолютно убежден в бесполезности гегелевских построений для логической науки. В рамках современной символической логики Поппер ориентировался на ее ядро – на *классическую* версию, отвергая неклассические построения логического интуитионизма как недостаточные для эмпирической критики и построения опровержений [7, с. 289–293].

К. Поппер убежден, что самым сильным инструментом критики может быть только логика *классическая* (классическая версия современной символической логики). Не случайно, логическая наука (символическая логика) так страшна марксистам и гегельянам, страшна астрологам и психоаналитикам и т. д. Отсюда неприязнь к Гегелю и его спекулятивной логике⁸. Без сомнения, Гегелю нет места в успешно развивающейся современной логической науке классического типа (в частности, математической логики). Неклассические версии современной логической науки К. Поппер знал хуже, и они могли бы смягчить его отношение к Гегелевским спекуляциям, которые оказываются ближе к параконсистентным, релевантным и некоторым другим версиям современных логик неклассического типа.

Поппер же изначально ориентируется не столько на проблемы философии математики и логическую семантику, сколько на проблемы и достижения *эмпирических* наук. К. Поппер стопроцентный эмпирист, называющий себя «критическим рационалистом» лишь в силу недоразумения, связанного с тем, что Карнап и другие логические позитивисты предпочитали называть себя «логическими эмпиристами». Их «эмпиризм» не удовлетворял К. Поппера тем, что являлся чисто объяснительным логическим реконструированием уже полученных научных результатов [4, с. 466–474], то есть был лишен динамики, лишен ориентации на развитие науки и будущие ее открытия, пусть и абсолютно непредсказуемые (по мнению Поппера). У последователя К. Поппера – Х. Альберта термин «рационализм» исчезает уже совсем, заменяясь термином интеллектуализм [1, с. 47–55].

⁸ Никакой «диалектической логики» у Гегеля не встречается. «Диалектическую логику» придумали марксисты. Работайте братья историки, работайте!

Критика релятивизма и метафизика реализма

«Доктрина третьего мира ... – это попытка уберечь объективность науки от атак социологизма и психологизма» [14, с. 255]. К сожалению, авторы считают, что для объективности знания необходимо некое «сходство» между объектами третьего и второго мира. Нам представляется, что ни сходство, ни даже какой-либо изоморфизм для объективности не требуются. Возможны и неизоморфные отображения, главное, чтобы в них присутствовал некоторый закон.

В области философии науки К. Поппер является чистым интерналистом. История, социология, психология не имеют никакого отношения к развитию научного прогресса. Экстерналистские версии философии науки для К. Поппера абсолютно неприемлемы. Внутренние факторы развития науки непостижимы и непредсказуемы, но динамика науки имеет четкие логические критерии, связанные с понятием *правдоподобия*. Правдоподобие не имеет меры в абсолютном смысле, но имеет меру в относительном смысле, в контексте сопоставления конкурирующих теорий. Мера вероятности в области оценки теорий не работает, поскольку теория всегда гипотеза и не более чем гипотеза, теории лишь кратковременные предположения на бесконечном болоте нашего невежества.

Разграничение истины на истину-соответствие (строго по А. Тарскому) и Истину (с большой буквы) было необходимо К. Попперу как инструментарий против релятивизма. Поппер был крайним реалистом и считал, что наше познание устремлено к объективному миру, который единственен и однозначен. Для этого и вводится дополнительная, вторая Истина (с большой буквы), которой у Тарского не было.

Т. Кун, П. Фейерабенд, М. Полани, будучи релятивистами, бесконечно далеки от этой Истины К. Поппера. Из последователей, не предающих К. Поппера в указанном моменте, могут быть отмечены И. Лакатос, сохраняющий идею научного прогресса, как основания рациональности истории науки, и Х. Альберт [1].

Знание без субъекта познания есть идея объективного знания, характерного для науки. Классическое определение знания как истинного и обоснованного мнения, приписываемое Платоном, не очень пригодно для науки как дисциплинарной деятельности. В науке субъективные мнения совсем неуместны, а субъект познания систематически исключается. Это было понятно уже во времена Аристотеля с его классическим пониманием истины как объективного, ни от какого субъекта независимого отношения между знанием и действительностью.

Однако в аналитической философии классическое (платоновское, или квазиплатоновское) определение

знания все же оставалось и остается доминирующим. За рамками дисциплинарной науки оно сохраняет свое значение и силу. «Эпистемология без субъекта знания» есть альтернатива платоновской классике, предложенная К. Поппером.

Интересно, что благодаря идее «знания без субъекта» – чисто объективного знания и будучи интерналистом в философии науки (как мы показали ранее), К. Поппер становится экстерналистом в области эпистемологии. Это нельзя считать противоречием: дихотомия интернализма и экстернализма в области эпистемологии древней и фундаментальной дихотомии интернализма и экстернализма в области философии науки.

Заключение

Нельзя найти ничего более чуждого философии науки К. Поппера, чем позиции его последователей – Т. Куна, П. Фейерабенда, М. Полани, – вырывающих из философского контекста К. Поппера те или иные его идеи. Более адекватными продолжателями философии науки К. Поппера являются И. Лакатос и Х. Альберт. Эмпиризм логических эмпиристов и верификационистов (логических позитивистов) бесконечно ближе «критическому рационализму» К. Поппера [6, с. 195–196]. Не очень удачное название собственной философской позиции, обусловленное историографической классификацией неокантианцев – эмпиризм vs рационализм. «Критический рационализм» намекает не только на рациональность критики, но и на желанную противоположность сенсуализму и индуктивному методу, которые в рамках классической философии Нового времени сопровождали эмпиризм. Гипотетико-дедуктивный метод эмпирических научных теорий вместо методов верификации и индукции. К. Поппер – это философ аналитик, представитель аналитической философии (Г. Фреге, Б. Рассела, Л. Витгенштейна, Р. Карнапа), развивающий антисенсуалистический вариант эмпиризма и фаллибилизма, в противоположность сенсуалистскому верификационизму своих ближайших друзей и учителей. Еще более важно, чем эмпирицизм, понимание и использование К. Поппером современной логики в качестве базиса собственного философствования. Перед нами эмпирик фальсификационист, метафизик реалист, сторонник концепции трех миров и, одновременно, фаллибилист, говорящий о неустранимой погрешимости нашего познания и не признающий никакой разницы между теорией и гипотезой. Также перед нами антифундаменталист, верящий в Прогресс науки и объективную Истину, и ненавидящий релятивизм.

Для дальнейшего исследования творчества К. Поппера остаются серьезные проблемы. Когда критику-

ется идея критериев (эту критику К. Поппера мы не рассматривали), становится непонятным как нам действовать в случае невозможности алгоритмического разделения истинных и ложных высказываний (согласно А. Тарскому). За рамками чистой математики критерии оказываются очень даже востребованными.

Проблемы фальсификационизма. Принцип опровержимости не всегда и не полностью соответствует области наших *потенциально возможных* опровержений.

Проблема индукции. Когда полностью отвергается идея индукции и индуктивного познания, мы перестаем быть рациональными существами.

Проблема развития науки методом проб и ошибок. Когда мы говорим о непредсказуемости разви-

тия науки, мы разрушаем возможность использования эвристики.

Идея фальсифицируемости теорий хорошо работает в области *содержательных*, но не формальных теорий. Формальные теории опытом напрямую не опровергаются (или почти не опровергаются, если вспомнить прагматический критерий У. Куайна, в котором истинность формальной теории зависит от ее успешности в области лучших из наших содержательных теорий).

Проблемы с бесконечностью и амбивалентность в толковании интуиций Карлом Поппером мы также оставляем на будущее. А интернализм философии науки К. Поппера нуждается в самостоятельном всестороннем исследовании.

Литература

1. Альберт Х. Трактат о критическом разуме / Пер с нем., вступ. ст. и примеч. И. З. Шишкова. М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 264 с.
2. Анкин Д. В. Эмпиризм против сенсуализма // Эпистемы : сборник научных статей. Вып. 6: Опыт. – Екатеринбург: Ажур, 2011. – С. 13–21. – EDN: VLZXAT.
3. Вригт Г. Х. фон. Логика и философия в XX веке // «Вопросы философии». – 1992. – № 8. – С. 80–91.
4. Коффа А. Семантическая традиция от Канта до Карнапа. К Венскому вокзалу/ под ред. Линды Весселс; пер. с английского В. В. Целищева. – М.: Канон-плюс, 2019. – 526 с.
5. Нейрат О. Псевдорационализм фальсификации // Эпистемология и философия науки. – 2009. – Т. 19, № 1. – С. 218–229. – EDN: MMBNHJ.
6. Никифоров А. Л. «Логика» Поппера глазами современников // Эпистемология и философия науки. – 2009. – Т. 19, № 1. – С. 215–217. – EDN: MMBNGZ.
7. Поппер К. Р. Объективное знание. Эволюционный подход / пер. с англ. Д. Г. Лахути.; отв. ред. В. Н. Садовский. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 384 с.
8. Поппер К. Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания / К. Р. Поппер. – М.: «Издательство АСТ»; «Ермак», 2004. – 628 с.
9. Рассел Б. Об обозначении // Б. Рассел. Избранные работы. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2007. – С. 18–32.
10. Решер Н. Пирс, Поппер и методологический поворот // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. – М.: Эдиториал УРСС, 2006. – С. 210–221.
11. Садовский В. И. Эволюционная эпистемология Карла Поппера на рубеже XX и XXI столетий // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. – М.: Эдиториал УРСС, 2006. – С. 3–51.
12. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. – М.: Прогресс, 1986. – 542 с.
13. Финн К.В. Эволюционная эпистемология Карла Поппера и эпистемология синтеза познавательных процедур // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. – М.: Эдиториал УРСС, 2006. – С. 364–424.
14. Фримени Ю., Сколимовский Г. Поиск объективности у Пирса и Поппера // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. – М.: Эдиториал УРСС, 2006. – С. 222–279.
15. Хинтиikka Я. О подходящих (попперовских?) и неподходящих способах употребления понятия информации в эпистемологии // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. – М.: Эдиториал УРСС, 2006. – С. 291–297.
16. Юлина Н. С. Философия Карла Поппера // Философия науки. – 1995. – Т. 1, № 1. – С. 8–25. – EDN: UJHWFV.
17. Apel K.-O. (1988) From a Transcendental-semiotic Point of View. *Manchester University Press*. – 247 p. (In Eng.).
18. Church A. (1936) An Unsolvable Problem of Elementary Number Theory. *American Journal of Mathematics*, Vol. 58. No. 2 (Apr., 1936), pp. 345–363. (In Eng.).

19. Karl Popper Stanford Encyclopedia of Philosophy. Available at: <https://plato.stanford.edu/entries/popper/> (accessed: 02.07.2024) (In Eng.).

20. Popper K. R. (1935) *Logik der Forschung. Zur Erkenntnistheorie der modernen Naturwissenschaft*. Wien, 248 S. (In German.).

References

1. Albert, H. (2003) *H. Traktat o kriticheskom razume* [Treatise on Critical Reason]. M.: Editorial URSS, 264 p. (In Russ., transl. from Germ.).

2. Ankin, D. V. (2011) [Empiricism against sensationalism]. *Epistemy : sbornik nauchnykh statey* [Epistems: collection of scientific articles]. Vol. 6: Experience. Yekaterinburg: Azhur, pp. 13–21. (In Russ.).

3. Wright, G., L. von. (1992) [Logic and philosophy in the 20th century]. «*Voprosy filosofii*» [«Questions of Philosophy»]. Vol. 8, pp. 80–91. (In Russ., trans. from Engl.).

4. Koffa, A. (2019) *Semanticheskaya traditsiya ot Kanta do Karnapa. K Venskomu vokzalu* [Semantic tradition from Kant to Carnap. To the Vienna Station]. M.: Ka-non-plus, 526 p. (In Russ., trans. from Engl.).

5. Neurath, O. (2009) [Pseudo-rationalism of falsification]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and philosophy of science]. pp. 218–229. (In Russ., trans. from Engl.).

6. Nikiforov, A. L. (2009) [Popper's «Logic» through the eyes of his contemporaries]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and philosophy of science]. pp. 195–217. (In Russ.).

7. Popper, K. R. (2002) *Ob "yektivnoye znaniye. Evolyutsionnyy podkhod* [Objective knowledge. Evolutionary approach]. M.: Editorial URSS, 384 p. (In Russ., trans. from Engl.).

8. Popper, K. R. (2004) *Predpolozheniya i oproverzheniya: Rost nauchnogo znaniya* [Assumptions and refutations: The growth of scientific knowledge]. M.: «AST Publishing House»; «Ermak», 628 p. (In Russ., trans. from Engl.).

9. Russell, B. (2007) *Ob oboznachenii* [On denoting]. Selected works. Novosibirsk: Sib. Univ. publishing house, 260 p. pp. 18–32. (In Russ., trans. from Engl.).

10. Rescher, N. (2006) [Peirce, Popper and the methodological turn]. *Evolyutsionnaya epistemologiya i logika sotsial'nykh nauk: Karl Popper i yego kritiki* [Evolutionary epistemology and logic of the social sciences: Karl Popper and his critics]. M.: Editorial URSS, pp. 210–221. (In Russ., trans. from Engl.).

11. Sadovsky, V. I. (2006) [Evolutionary epistemology of Karl Popper at the turn of the 20th and 21st centuries]. *Evolyutsionnaya epistemologiya i logika sotsial'nykh nauk: Karl Popper i yego kritiki* [Evolutionary epistemology and logic of social sciences: Karl Popper and his critics]. M.: Editorial URSS, pp. 3–51. (In Russ.).

12. Feyerabend, P. (1986) *Izbrannyye trudy po metodologii nauki* [Selected works on the methodology of science]. M.: Progress, 542 p. (In Russ., trans. from Engl.).

13. Finn, K. V. (2006) [Evolutionary epistemology of Karl Popper and the epistemology of the synthesis of cognitive procedures]. *Evolyutsionnaya epistemologiya i logika sotsial'nykh nauk: Karl Popper i yego kritiki* [Evolutionary epistemology and logic of social sciences: Karl Popper and his critics]. M.: Editorial URSS, pp. 364–424. (In Russ.).

14. Freeman, Y., Skolimowski, G. (2006) [Search for objectivity in Peirce and Popper]. *Evolyutsionnaya epistemologiya i logika sotsial'nykh nauk: Karl Popper i yego kritiki* [Evolutionary epistemology and logic of social sciences: Karl Popper and his critics]. M.: Editorial URSS, pp. 222–279. (In Russ., trans. from Engl.).

15. Hintikka, J. (2006) [On appropriate (Popperian?) and inappropriate ways of using the concept of information in epistemology]. *Evolyutsionnaya epistemologiya i logika sotsial'nykh nauk: Karl Popper i yego kritiki* [Evolutionary epistemology and logic of social sciences: Karl Popper and his critics]. M.: Editorial URSS, pp. 291–297. (In Russ., trans. from Engl.).

16. Yulina, N. S. (1995) [Philosophy of K. Popper]. *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science Vol.1. Problems of rationality]. M., pp. 8–25. (In Russ.).

17. Apel, K-O. (1988) From a Transcendental-semiotic Point of View. *Manchester University Press*, 247 p. (In Engl.).

18. Church, A. (1936) An Unsolvability Problem of Elementary Number Theory. *American Journal of Mathematics*. Vol. 58. No. 2 (Apr., 1936). (In Engl.).

19. Karl Popper Stanford Encyclopedia of Philosophy. Available at: <https://plato.stanford.edu/entries/popper/> (accessed: 02.07.2024) (In Engl.).

20. Popper, K. R. (1935) *Logik der Forschung. Zur Erkenntnistheorie der modernen Naturwissenschaft*. (Schr. z. wiss. Weltauff., Bd. 9.) Wien, 248 S. (In German.).

Информация об авторе:

Дмитрий Владимирович Анкин, доктор философских наук, профессор кафедры онтологии и теории познания, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

ORCID iD: 0000-0003-1899-7956

e-mail: dmitryankin@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 08.07.2024; принята в печать: 03.09.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Dmitry Vladimirovich Ankin, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

ORCID iD: 0000-0003-1899-7956

e-mail: dmitryankin@gmail.com

The paper was submitted: 08.07.2024.

Accepted for publication: 03.09.2024.

The author has read and approved the final manuscript.